PG
3321
54M6

МОСКОВСКІЯ ЭЛЕГІИ.

М. Дмитріева.

МОСКВА.
1858.

Class_____

Book_____

YUDIN COLLECTION

МОСКОВСКІЯ ЭЛЕГІИ.

Dmitriev, Mikhail Aleksandrovich

МОСКОВСКІЯ ЭЛЕГІИ.

М. Дмитріева.

Facies non omnibus una,
Nec diversa tamen, qualem decet esse sororum.

Ovid. Met. 2: 13, 14.

Не на одно лице, а сходны всѣ какъ сестры.

Овид.

МОСКВА.
Въ типографіи В. Готье.
1858.

PG3321
.D54M6

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 6 Генваря 1858 года.

Цензоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

Нѣкоторыя изъ этихъ Элегій были напечатаны въ Москвитянинѣ. Признаюсь, я теперь сожалѣю, что печаталъ ихъ порознь; ибо онѣ только вмѣстѣ могутъ имѣть нѣкоторое значеніе, какъ собраніе небольшихъ картинокъ Москвы и замѣчаній о ней, составляющихъ нѣчто разнообразное и цѣлое. Порознь же—иная картинка, иная мысль, могутъ показаться странными, и возбудить вопросъ: почему авторъ выбралъ такой-то предметъ, иногда мелочной, между обширными предметами, представляемыми древней столицей? Почему пришла ему такая-то мысль, когда исторія и современность Москвы могли возбудить нѣчто выше и занимательнѣе? — И такъ, только всѣ вмѣстѣ, эти Элегіи могутъ представить нѣчто цѣлое и разнообразное. Я назвалъ бы ихъ даже: «Москва и Москвичи,» еслибы этаго названія не употребилъ уже Загоскинъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ писаны эти Элегіи многое измѣнилось въ Москвѣ, особенно въ убѣжденіяхъ и направленіи мнѣній. И потому прошу читателей обращать иногда вниманіе *на годы*, которые поставлены подъ каждой Элегіей.

1857.
Москва

10 Apr. 53

МОСКОВСКІЯ ЭЛЕГІИ.

1.

Дума.

Еслибы ясное небо, еслибы свѣтлое солнце,
Теплой страны благодать, ароматомъ упитанный воздухъ;
Еслибъ лѣсовъ тишина, берега безпредѣльнаго моря,
Еслибъ и добрые люди добрѣе воистину были:
О! какъ легка бы была для поэта надъ жизнью побѣда!

Много заботы, мало покоя, мало любви и согласья!
Время надо украсть, а даромъ оно не дается!
Отнятъ день ранній трудомъ; а вечеръ весь взятъ суетою!
Только приличье—святыня; одно себялюбіе—идолъ!
Только оно собираетъ людей; да оно-жь и разводитъ!

Двое сойдутся—и споръ; а гдѣ трое—три разные толка!
Истины ищутъ они; а не терпятъ другъ друга за правду!
Если кто скажетъ словцо о другомъ—и не пробуй вступиться!
Тотъ лишь намъ другъ, кто по насъ говоритъ, да и то не надолго;
Еслиже чуть поперекъ—онъ ужь врагъ, и прочь всѣ отхлынутъ!

Это ль любовь христіанская, это ль у нихъ православье?
Это ль къ искуству любовь, и это ли истина, други?
Это ли мудрость, которой такъ много поборниковъ нынѣ?
Мудрость, сходящая свыше, кротка—научаетъ апостолъ:
Правды плодъ сѣется въ мирѣ; а это—бѣсовская мудрость!

Могутъ ли, братья мои, смоковницы гибкія вѣтви
Маслины вамъ приносить; а лоза виноградная—смоквы?
Можетъ ли горькій источникъ излить вамъ сладкую воду?
Кто въ васъ добръ и уменъ, докажи то не споромъ, а дѣломъ!
Гордымъ противится Богъ; лишь смиреннымъ даетъ благодать Онъ!

Нѣтъ благодати намъ, нѣтъ въ насъ любви; отъ того и искуство,
Прежде цвѣтущее, чуждо восторга и истины чуждо!
Только въ прекрасной душѣ все прекрасное зрѣетъ свободно!
Еслибъ и зрѣло оно, кто улыбкой согрѣетъ, какъ солнцемъ?...
Кто росою слезы освѣжитъ зарожденную думу?

Если ужь шумъ, то хотѣлъ бы внимать неумолкному морю!
Если ужь быть одному, безъ друзей, то ужь лучше въ пустынѣ,
Въ темномъ лѣсу, гдѣ не суетность гордая наша лепечетъ,
А гдѣ шепчутъ листы, чуть затронетъ ихъ вѣтеръ.—Тогда то
Каждый бы звукъ былъ картиной, звукомъ бы каждое чувство!

11 Марта 1845.

2.

Семейные пиры.

Прежде здѣсь были пиры.—Я помню: сбирались родные
Къ старшему въ родѣ, въ день именинъ, или въ праздникъ. —Бывало
Длинные ставятъ столы; сыновья наѣзжаютъ съ женами,
Дочери, внуки, зятья; и бѣда не пріѣхать къ обѣду!
Ласковы были до насъ старики, а шутить не любили!

Говоръ и шумъ, и дѣтей бѣготня; но за столъ—всѣ утихнутъ!
Дѣдъ сидитъ на переднемъ концѣ, близь внучки старушка.
Жены съ мужьями рядкомъ; а подалѣе—дѣти постарше....
Все по порядку, и чинно разносятся вкусныя блюда;
Послѣ жарко́ва обносятъ бокалъ—и всѣ поздравляютъ!

Нынче не то!—Собираются гдѣ веселѣе!—Нѣтъ старшихъ,
Нѣтъ молодыхъ, всѣ равны, и слабѣютъ семейныя связи!
Нуженъ—ему и почетъ; а не нуженъ—умри, и не вспомнятъ!
Кто въ сертукѣ, кто во фракѣ; этотъ въ пальто мѣшковатомъ;
Тотъ, какъ французъ, съ бородой; а рядомъ —въ звѣздѣ заслуженой!

Связи семейныя! что васъ крѣпитъ?—не обычаи ль дѣдовъ!
Не почетъ ли наслѣдственный къ горю и опыту старшихъ,
Намъ передавшихъ и жизнь, и заботливо съ ней нажитое ?...
Нѣтъ! не замѣнятъ васъ партій и выгодъ корыстныя связи!
Тѣ и могила крѣпитъ; а эти... до первой лишь сплетни!

Ктожь замѣнилъ стариковъ?... Кто взялъ въ обществѣ власть надъ умами?...
Первый крикунъ безъ стыда, или выходецъ, родомъ безвѣстный!
Что тутъ до свя́зей семей, гдѣ иной радъ забыть и объ родѣ!
Нужно ему, чтобъ никто никого не уважилъ; иначе
Въ признанномъ правѣ другихъ своего не отыщетъ онъ права!

Прежде въ семейномъ кругу примирялись домашнія распри!
Свой своему по неволѣ былъ другъ—и семейное дѣло
Общимъ вершилось судомъ!—Тутъ кровь говорила!—А нынче
Ищетъ отецъ покровительства сына!—Сынъ рыщетъ повсюду,
Горломъ беретъ; а отецъ—конь, забытый подъ старость на стойлѣ!

Патріархальные нравы Москвы бѣлокаменной!—Гдѣ вы?
Или съ пожаромъ Москвы, отворившимъ ворота въ Европу,
Бытъ нашъ семейный истлѣлъ и привыкли къ бродящей мы волѣ?...
Только кричимъ мы о бытѣ народномъ, о бытѣ семейномъ;
Сами не знаемъ семьи, ни семейнаго рускаго быта!

9 Мая 1845.

3.

День въ Кремлѣ.

Свѣтлое утро—и блещутъ на храмахъ главы́ золотыя!
Басомъ Иванъ-великой гудитъ—и ему отвѣчаетъ
Громкій трезвонъ въ переборъ со всѣхъ колоколень московскихъ!
Полонъ народомъ весь Кремль и входятъ вельможи въ соборы!
Что за веселіе?—А! вотъ и флагъ на дворцѣ развѣваетъ!

Любитъ народъ нашъ Царей, и вѣренъ народъ нашъ московской!
Помнимъ двѣнадцатый годъ мы; помнимъ Царя предъ народомъ!
Яблоку негдѣ было упасть на площади Царской!
Слово сказалъ—всѣ возстали; копій, мечей не достало;
Милліоны посыпались въ даръ—и Царю и отчизнѣ!

Ночь—и темно надъ Москвой; а на улицахъ день на московскихъ!
Радостной вѣсти огни зажжены, и далеко за по́лночь
Ходитъ веселый народъ; а чуть свѣтъ—онъ на площадь!
Любитъ народъ нашъ Царей!—О! чего изъ такого народа
Власти съ любовью нельзя совершить и ко славѣ и къ благу!

10 Мая 1845.

Воспоминаніе молодости.

Весело было ты, прежнее время, въ дни юности нашей!
Гдѣ вы, златыя лѣта?... Не прошло ли вамъ четверть ужь вѣка!
Во́льно черпать намъ было въ источникѣ чистой науки!
Кто ниспускался вѣковъ въ глубину; кто, какъ вольная пти́ца,
Въ свѣтлый міръ возлеталъ, гдѣ гремѣли высокія пѣсни!

Музы тогда еще не были согнаны съ холмовъ Парнасса:
Феба и ихъ имена призывались еще въ пѣснопѣньяхъ!
Жрецъ опасался ихъ слухъ оскорбить неразумною пѣснью!
Даръ пѣснопѣнья былъ всѣми уваженъ, какъ данный отъ Бога;
Люди считали поэта—высшимъ, чѣмъ прочіе люди!

Помню я наши бесѣды, помню и праздники наши!
Въ кругѣ веселомъ подъ часъ и важная рѣчь заходила;
Говоръ и смѣхъ умолкали, и чувство, высокое чувство
Отзывъ будило въ сердцахъ молодыхъ!—Но лирные звуки,
Лирные звуки звенѣли опять, и жизнь улыбалась!

Помню годичный торжественный день я—во храмѣ науки!
Это былъ праздникъ Москвы; вся Москва между насъ ликовала!
Хоръ прогремитъ—и всходилъ Мерзляковъ на каѳедру—и оду
Пышную оду громко читалъ, иль похвальное слово!
Съ звукомъ трубы раздавались потомъ и награды, и шпаги!

Просты сердцами мы были, какъ дѣти; а добрые старцы,
Наши наставники, были до насъ какъ отцы благосклонны;
Но, какъ отцы, насъ съ собой не равняли, намъ руку не жали!
Мы уважали ихъ, мы ихъ любили; но и боялись!
Насъ не боялись за то старики: мы не судьи имъ были!

Бодро, надежно отъ нихъ мы шли и на царскую службу:
Словно отцы съ рукъ на-руки насъ отдавали отцамъ же!
Легкая служба была, и не грозно начальство!—Напрасно
Кто-то стишкомъ укололъ всѣхъ юношей нашихъ архивскихъ;
Въ этихъ же юношахъ былъ и Дашковъ, благородный другъ правды!

Такъ созрѣвали подъ солнцемъ мы вольнаго неба, подобно
Дереву, или плоду, которые мудрый садовникъ
Не выгоняетъ насильно тепломъ искуственной печи!
Противъ бурь жизни и хлада за то—мы рано окрѣпли;
Русь полюбили, какъ мать: хорошо намъ у матери было!

1845.

5.

Гегелисты.

Гегель, да Гегель! — Только и слышишь! — Востокъ да Славяне!
Западъ да Нѣмцы! — Подумаешь, Западъ въ бореньи съ Востокомъ!
Солнце жь какъ прежде, съ Востока идетъ и приходитъ на Западъ!
Мудрый молчитъ въ тишинѣ; трудолюбецъ безмолвно трудится;
А не внемлемый ими поэтъ позабытую пробуетъ лиру!

Есть ли отчизна у насъ? — И должны ли, какъ матери дѣти,
Долгъ свой мы ей заплатить? — Или мы безъ призванія въ мірѣ?
Эти ей служатъ мечемъ; тѣ судомъ воздаютъ ей и правдой!
Вы же что, мудрецы? — Назвала ль она васъ мудрецами,
Давши вамъ право рѣшать, не служа ей ни словомъ, ни дѣломъ!

15 Мая 1845.

6.

Правосудіе.

Если хотите, чтобъ было у насъ правосудье, умѣйте
Правду вполнѣ оцѣнить и общественнымъ мнѣньемъ уважить!
Есть намъ награды Царя, и есть намъ наградою совѣсть:
Для честолюбца довольно, для христіанина тоже:
Гдѣ же почетъ отъ гражданъ, драгоцѣнная мзда гражданина?

Кто между вами всѣхъ выше? — Мужъ ли и чести, и долга,
Смѣлый на правду, противъ лицъ сильныхъ прямой и безстрашный?
Нѣтъ! онъ у васъ взабыти; вы боитесь его, какъ заразы:
Страшно, чтобъ сильнаго правды врага на себя не возставить!
Сильный вамъ сдѣлаетъ зло; а тотъ... безопасная жертва!

Кто же всѣхъ выше у васъ? — Богачи! — И какое вамъ дѣло
Кто какъ ни нáжилъ добро; лишь давай вечера онъ и балы,
Толькобъ обѣды давалъ и не выключилъ васъ изъ знакомыхъ!
Какъ вамъ не быть у того, у кого весь съѣзжается городъ!
Сами же учите вы наживать, чѣмъ бы ни было, злато!

Послѣ въ почетѣ межь вами, кто силенъ связями и знатью!
Можетъ помочь вамъ подпорой своей и не въ правомъ онъ дѣлѣ;
Вы же привыкли къ надеждѣ всегда — не на правду, на милость!
Можетъ васъ вывести въ люди онъ, если вы не были въ людяхъ!
Но — не надѣйтесь на князи: они человѣки и смертны!

Доблесть гражданская! Мнѣнье гражданъ — вотъ прямая награда!
Честному руку пожать; отъ безчестнаго прочь отвернуться;
Голосомъ общимъ стоять за того, кто стоекъ за правду;
Слыша о немъ клевету, отразить, а не молча прослушать:
Такъ ли межь вами?—Не такъ?—Не пѣняйте жь, что нѣтъ правосудья!

1845.

7.

Взятки.

Взятки браните вы? -- Дѣльно! Надъ ними и кара закона!
Только, поборники честности, знаете ль вы: что̀ есть взятки?
Если бѣднякъ взялъ полсотни рублей, вы кричите, что взятки;
Еслижь подрядами кто нажился, напугавши всѣхъ силой,
Это вовсе не взятки у васъ, а просто умѣнье!

Денегъ иной не беретъ — потому лишь, что самъ милліонщикъ;
А милліонщикъ Катонъ — не герой: тутъ легко аристидство!
Но за ласковый сильнаго взглядъ продаетъ онъ и брата, и правду!
Это что: взятки, иль нѣтъ? — Вы молчите, угодники? — Этихъ,
Этихъ вы мнѣньемъ карайте, и требуйте впредь правосудья!

Если гражданская честь пошатнулась и въ словѣ, и въ дѣлѣ;
Если дошло до того, что хотятъ всѣ не права, а выгодъ;
Если безчестнаго съ честнымъ въ лице различить невозможно;
Если въ гражданахъ самихъ поклоненіе мощной неправдѣ:
Что тутъ кричать, на кого тутъ пѣнять, что нѣтъ правосудья!

5 Іюля 1845.

8.

Пикники.

Гдѣ вы, лѣтъ прежнихъ друзья? —Весела, беззаботна, свободна
Молодость наша была, и незнала заносчивой воли!
Помните ль вы вечера и пикники добраго князя?
Старый младенецъ, поэтъ, испытавшій фортуны превратность,
Духа веселостью былъ намъ ровестникъ, лишь опытомъ старецъ!

Только что за́-городъ, тутъ и горѣлки, тутъ и качели!
Пустимся взапуски, или уйдемъ брать ягоды въ рощу!
Всѣ разбредемся!—Ау!—Вотъ и къ полднику кличутъ!—Сберемся:
Полдникъ не пышный, простой; но пойдутъ и разсказы и хохотъ!
Развѣ насупится князь, что его взять съ собой позабыли!

Помните ль вы, тутъ была, всѣхъ прекраснѣе, выше всѣхъ ростомъ,
Стройная пальма, щочки какъ роза, агатные глазки,
Живостью птичка, умна и мила, и игрива какъ кошка;
Помните: имя ей было у насъ—Анемона. Въ дни оны
Князь написалъ, что она и Надировой краше короны!

Въ бѣлой воздушной одеждѣ, какъ въ облакѣ пышномъ Юнона,
Шелкъ пурпуровый корсета вкругъ стройнаго, гибкаго стана!
Гдѣ? и чаруетъ ли взглядомъ кого молодая Цирцея,
Муза, внушавшая, даже внимавшая пѣсни поэта?...
Все пролетаетъ!—Она... гдѣ и всѣ мы со временемъ будемъ!

5 Іюля 1845.

9.

Кремль.

Камни, священные камни Кремля! Вы, громады соборовъ!
Свѣтлые, съ краснымъ крыльцомъ, съ теремами Царевенъ чертоги!
Башни, красивыя башни въ узорѣ изъ каменныхъ кружевъ!
Стѣны, по коимъ могла бы съ конями пройти колесница!
Русь воедино связалъ вѣковой вашъ незыблемый поясъ!

Здѣсь-то святое зерно, возрастившее древо Россіи,
Коего сѣнь полюбили ея племена и народы!
Но—чуть буря идетъ, отъ запада, или съ востока,
Древо святое шумитъ и вѣсть подаетъ непогоды:
Руси сыны возстаютъ и бѣгутъ на защиту святыни!

Гдѣ благовѣстный звонъ Руси, во дни ея ликованій,
Царскихъ, народныхъ торжествъ, звончѣе кремлевскаго звона?
Гдѣ, въ дни былые, созывный набатъ на Руси былъ слышнѣе?
Чуть желѣзнымъ своимъ языкомъ и литыми изъ мѣди устами
Нашъ Великой-Иванъ взговоритъ: Русь ту рѣчь разумѣетъ!

Сколько именъ, о Москва! и привѣтливыхъ, и величавыхъ,
Дѣти тебѣ воздаютъ! и мало ли ласковыхъ прозвищъ!
То бѣлокаменной, то златоглавой тебя величаютъ!
Видно, сроднились съ тобой, воспитавшей ихъ горькую юность;
Видно, помнятъ, что много за нихъ ты, какъ матерь, страдала!

Разъ лишь твой Кремль задрожалъ, какъ извéргъ изъ себя чужеземца,
Двадцать народовъ съ собой приманившаго нá-пиръ незваный!
Любишь гостей ты, Москва; но на нихъ медóвъ не достало!
Угостила поруски ты ихъ: истопила ты баню,
Да пустила, попаривши, ихъ поваляться по снѣгу!

8 Іюля 1845.

10.

Домикъ въ предмѣстіи.

Часто случается мнѣ, проходя по предмѣстіямъ, видѣть
Чистенькой, низенькой домикъ; хозяинъ сидитъ у окошка,
Смотритъ на улицу—такъ—отъ нечего-дѣлать, безъ думы;
Столикъ накрытъ у окна; предъ хозяйкой разставлены чашки:
Свѣтлый кипитъ самоваръ и сипучую пѣснь запѣваетъ!

Тутъ же на окнахъ въ горшкахъ резеда, бальзаминъ и левкое;
Два алебастровыхъ бюстика—знаютъ ихъ всѣ въ околодкѣ —
Сколько ужь лѣтъ, какъ бочкомъ на окнѣ, другъ нá-друга смотрятъ;
Стѣны въ обояхъ, диванъ по срединѣ, обтянутый кожей;
Въ рамочкѣ Графъ Витгенштейнъ и новѣйшая слава Тальони!

Есть же счастливые люди, которымъ день нечего дѣлать,
Спится всю ночь напролетъ, и на завтра—другое сегодня!
Чая вечерняго часъ имъ какъ будто какое-то дѣло:
Чинно на блюдцо всегда льютъ напитокъ они благородный,
Чинно подставятъ пять пальцевъ и снизу подъ донышко держатъ.

Что за счастливые люди!—Пріѣдутъ ли гости—эпоха!
Сами ли выѣдутъ въ гости они—вспоминаютъ, какъ праздникъ!
Нѣтъ ни визитовъ пустыхъ, ни встрѣчныхъ пустыхъ разговоровъ;
Любятъ покой: непосидливость наша была бы имъ мукой!
Свѣтъ ихъ большой—на прудахъ; а съ лимончикомъ чай—все ихъ барство!

Добрые люди! Имъ нѣтъ—современныхъ великихъ вопросовъ!
Даже Московскихъ газетъ нумера не для нихъ выдаются!
Слава—всемірная слава домашней работы—которой
Хвастаютъ звонко друзья по Москвѣ—имъ совсѣмъ неизвѣстна!
Миръ вамъ, добрые люди!—Повѣрьте, та слава пустая!

12 Іюля 1845.

11.

Ваганьково кладбище.

Есть близь заставы кладбище; его—всѣмъ знакомое имя.
Божія нива засѣяна вся; тутъ безвѣстные люди,
Добрые люди сошлись въ ожиданьѣ весны воскресенья.
Вѣтви густыя деревъ осѣняютъ простыя могилы,
И свѣжа мурава, и спокойно, и тихо, какъ вѣчность.

Тутъ на воскресные дни православный народъ нашъ московской
Любитъ къ усопшимъ роднымъ, какъ къ живымъ приходить на свиданье.
Семьи нарядныхъ гостей сидятъ вкругъ каждой могилы,
Ходятъ межь камней простыхъ, и прочтя знакомое имя,
Вспомнятъ, вздохнутъ, поклонясь, и промолвятъ: вѣчная память!

Тутъ на могилахъ они—пьютъ чай, (вѣдь у Русскихъ безъ чая
Нѣтъ и гулянья); развяжутъ салфетки, платки съ пирогами,
Пищей себя подкрѣпятъ, помянувши родителей прежде;
Вечеромъ идутъ въ Москву, нагулявшись и свидѣвшись мирно
Съ тѣми, которымъ къ нимъ путь затворенъ и придти ужь немогутъ!

Добрый обычай! свиданье друзей и живыхъ и усопшихъ!
Сладкія чувства любви, съединяющей даже за гробомъ!
Мертвыя кости и прахъ; а надъ ними живая природа,
И людей голоса, и живыя гуляющихъ лица!
Есть тутъ и камни богатыхъ; но что-то вокругъ ихъ нелюдно!

Какъ хорошо тутъ лежать!—И свѣжо, и покойно, и тихо,
И безпрестанно идутъ и живые и мертвые гости!
Душно въ стѣнахъ монастырскихъ, и мрачно, и тѣсно!
Тутъ я хотѣлъ бы лежать, гдѣ простые и добрые люди;
Тутъ я хотѣлъ бы лежать, подъ зеленой травой и подъ тѣнью!

Мимо его я всегда проѣзжалъ, какъ съ дѣтьми и съ женою
Въ Зыковѣ жилъ по лѣтáмъ, гдѣ мнѣ было спокойно и вольно,
Гдѣ посѣщали друзья насъ въ бѣдномъ сельскомъ пріютѣ!
Выростутъ дѣти, поѣдутъ по этой дорогѣ, и вспомнятъ....
Здѣсь я хотѣлъ бы лежать, и чтобъ здѣсь вы меня посѣтили.

13 Іюля 1845.

12.

Московская жизнь.

Вамъ ли описывать нашу Москву?—Вы въ Москвѣ чужеземцы!
Гдѣ ее видѣли вы?—На балѣ, въ театрѣ и въ паркѣ!
Знаете ль вы что Москва?—То не городъ, какъ прочіе грады;
Развѣ что семь городовъ, да съ десятками селъ и посадовъ!
Въ нихъ-то, что городъ, то норовъ; а въ тѣхъ деревняхъ свой обычай!

Крѣпости мрачны вездѣ; ихъ высокія стѣны и башни
Грозны, какъ силы оплотъ, и печальны, какъ воли темница;
Кремль же сѣдой нашъ старикъ—величавъ, а смотрите, какъ веселъ!
Гдѣ его рвы и валы?—Да завалены рвы подъ садами;
Срыты валы—и на нихъ, какъ зеленая лента, бульвары!

Вмѣсто кипучей жизни столицъ, паровой и машинной,
Въ нашей Москвѣ благодатной—дышетъ нѣсколько жизней:
Пульсъ нашъ у каждаго свой; не у всѣхъ одинако онъ бьется!
Всякой посво́ему хочетъ пожить: не указъ намъ сосѣди!
Любимъ мы русской просторъ; и любимъ домашнюю волю!

Тамъ, на Кузнецкомъ мосту, блескъ и шумъ, и гремятъ экипажи;
А за тихой Москвою-рѣкой заперты всѣ воро́та!
Тамъ, на боярской Тверской, не пробилъ часъ привычный обѣда;
А на Прѣснѣ, откушавъ давно, отдохнули порядкомъ,
И кипитъ самоваръ, и сбираются на́вечеръ гости!

Много у насъ есть чудесъ, и рѣдкостей царскихъ палата;
Веселы бáлы зимой и роскошны богатыхъ обѣды;
Живы у насъ, по лѣтамъ, и по рощамъ, и въ паркѣ гулянья;
Но не узнаешь семьи, не сроднясь, не вошедши въ ту семью:
Такъ не узнаешь Москвы, не привыкнувши къ жизни московской!

Что же вините вы насъ, что лицомъ мы на васъ не похожи?
Есть на московскихъ на всѣхъ, говорятъ, отпечатокъ особый!
То ли намъ ставить въ укоръ, что у насъ есть свой нравъ и обычай?
Вы на монетѣ глядите сперва: сохраняетъ ли штемпель;
Мы—настоящій ли вѣсъ; да посмотримъ какая и проба!

17 Іюля 1745.

13.

Всадница.

Что же мнѣ дѣлать!—Хотѣлъ бы я вамъ услужить мадригаломъ!
Губки у васъ, какъ цвѣтокъ; но въ этихъ губкахъ сигарка!
Въ женщинѣ милы—и нѣжность, и робкая слабость ихъ пола;
Вы же на борзомъ конѣ, какъ гусаръ: то не женская прелесть!
Гибкой вашъ хлыстикъ свиститъ, какъ подъ часъ у меня эпиграмма!

Боже мой! какъ мы за вѣкомъ идемъ! И давно ли то было,
Что красавицы наши боялись мышей и лягушекъ;
Падали въ обморокъ чуть зажужжитъ пролетѣвшая пчелка,
Такъ, что поэты тѣхъ дней, лишь привесть бы прелестную въ чувство,
Лгали, что пчелка сочла распустившій ротикъ за розу!

Чудно, какъ время идетъ!—И давно ли красавицы наши
Слезки роняли надъ Бѣдною Лизой!—А нынѣ отважно
Правятъ конемъ на сѣдлѣ, и правятъ коньми колесницы,
Рѣчи читаютъ Гизо, и объ Гегелѣ даже толкуютъ!
Гдѣ имъ о немъ бы узнать!—Насказали имъ добрые люди!

18 Іюля 1845.

14.

Купцы на гуляньѣ.

Видѣли ль вы купцовъ и купчихъ на гуляньѣ?—Пріѣзжій
Можетъ-быть ихъ и не вдругъ отличитъ отъ публики нашей;
Но привыкнувшій глазъ москвича не обманетъ поддѣлка!
Тѣ же портнихи наряды имъ шьютъ, и тѣ же портные
Ихъ одѣваютъ мужей; но природа искуства сильнѣе!

Чинны и важны они, самоцвѣтно и пышно одѣты!
Эти гордятся коляской, коньми; тѣ тканью салоповъ!
Сытыя лошади, шерсть какъ атласъ, и блестящая сбруя,
Въ холѣ и бе́режѣ долго—готовятся на́ день гулянья;
Пышный салопъ у жены въ сундукѣ бережется на случай!

Гривы у ихъ лошадей въ переборъ заплетенныя мелко,
Ихъ пристяжная, кольцомъ, бьетъ копытомъ о землю и пышетъ!
А у женъ капишонъ, весь распущенъ, какъ хвостъ у павлина,
Вѣчно—зимой сверхъ саней, а лѣтомъ виситъ изъ коляски!
Цѣль ихъ: людей посмотрѣть и себя показать; и довольно!

Тотъ же купецъ, какъ банкрутъ, очути́тся другимъ человѣкомъ!
Въ ноги да въ ноги кувыркъ передъ гордымъ своимъ кредиторомъ!
Тише воды онъ и ниже травы: ни во что униженье!
Боже! неужели въ нихъ сохранился нашъ прежній характеръ,
Руской народный нашъ типъ, съ бородою насильственно сбритый!

Правда, и наши Бояре, когда пословъ принимали,
Чванились много; любили, поруски сказать, поломаться!
Ме́жду собою помѣстничать—тоже любили, и много
Ломки бывало съ ними Царю; а отдастъ головою—
Въ ноги да въ ноги: повинную голову мечь-де не рубитъ!

Нѣтъ! не повѣрю! Корысть—вотъ что сердце суши́тъ человѣка!
Отъ того-то скупецъ никогда не бываетъ поэтомъ;
Отъ того-то поэтъ никогда не бываетъ корыстенъ!
Вѣдаетъ онъ, что судьбы прихотливой даянья непрочны;
Что природы дары всѣмъ равны́; что міръ Божій—всѣмъ общій!

21 іюля 1845.

15.

Старый домъ.

Какъ измѣняется все, и въ судьбѣ человѣка и зданій!
Тамъ, за Москвою рѣкою, есть домъ, неуклюжее зданье...
Слышно, что былъ онъ когда-то лѣтній домъ Годунова.
Много таилося въ немъ помышленій и власти, и счастья,
Замысловъ гордыхъ, пока честолюбецъ не дожилъ до царства!

Время иное пришло!—Боярская старая гордость
Чваниться стала мѣстами; только и честію было
Выше иного засѣсть, у иного не быть подъ начальствомъ!
Чудная честь!—А спиной поплатиться, ничуть не безчестье!
Въ этомъ-то домѣ, въ подклѣти, боярскую спѣсь унимали!

Время иное пришло!—Домъ тотъ былъ гордецовъ Милославскихъ!
Тутъ-то сходились стрѣльцы, и оттуда-то шли ихъ крамолы!
И отсюда подъ русло рѣки, говорятъ, былъ подземный
Ходъ, выходившій къ Кремлю, гдѣ Тайницкія нынѣ ворота.
Дикимъ камнемъ закладенъ тотъ входъ, и гдѣ былъ, позабыто!

Нынѣ смиренный тотъ домъ, на службу Москвѣ поступившій,
Вовсе народомъ забытъ, позабылъ честолюбія гордость!
Смирно стоитъ онъ межь новыхъ красивыхъ и легкихъ строеній,
Точно межь модниковъ старый старикъ, и думаетъ думу:
Нынче-то мы ни вочто; а бывало насъ люди знавали!

26 іюля 1845.

16.

Семисотлѣтняя Москва.

Нашу Москву созидала не сила, не власть человѣка!
Наша Москва родилась, и жила, и росла, какъ живая,
Руси и грады и веси вокругъ, какъ дѣтей, собирая!
Скоро ей будетъ семь сотъ уже лѣтъ: почетная старость!
Милости просимъ, попраздновать, къ ней, Князья и Бояре!

Знаете ль, рускіе люди, давно ли Москва молодая
Въ первый разъ, какъ боярыня, рускихъ князей угощала?
Въ тысяча во сто сорокъ седьмомъ—Москвичамъ ли не помнить!
Марта двадцать осьмаго, сынъ Мономаха Георгій
Въ ней Святослава встрѣчалъ: знать, Москва угощать ужь любила!

Улицы узки у насъ; широкà у насъ лѣтопись улицъ!
Кривы онѣ; да Москва и на этихъ Руси прямила!
Тамъ, на Басманной, ввозили басму: передъ идоломъ ханскимъ
Правда, склонялась побѣдной главой и она; да она же
Первая вышла съ Донскимъ на враговъ къ Куликовому полю!

Каждый нашъ камень древле былъ по́литъ рускою кровью!
Тамъ, гдѣ торговля теперь иноземныхъ купцовъ собираетъ,
Крестный торжественный ходъ провожаетъ народъ богомольный,
Бился Пожарской на улицѣ той за свободу народа;
Звонъ колокольный молчалъ, а звенѣли мечи да кольчуги!

Были и смуты въ Москвѣ; но народу онѣ не въ укору!
Противъ Царей не московской народъ, а стрѣльцы бунтовали!
Тамъ, гдѣ Дѣвичій стоитъ монастырь средь зеленаго поля,
Каялась въ кельѣ Сусанна за гордость Царевны Софіи;
Вотъ онъ монахини гробъ, примирившій гордыню земную!

Разъ лишь ослушалась наша Москва! Не хотѣлось старушкѣ
Бороды брить сыновьямъ, дочерей наряжать понѣмецки!
Старые люди упрямы! старыя кости негибки!
Стыдно ей было плясать на старости лѣтъ въ ассамблеяхъ,
Горько ей было, что внучки въ Нѣмецкую слободу ѣздятъ!

28 Іюля 1845.

17.

Сухарева башня.

Что за чудная право — эта зеленая башня!
Высокà и тонка; а подъ ней, какъ подножье, огромный
Домъ въ три жилья, и примкнулось къ нему, на откосѣ, подъ крышей,
Длинное съ боку крыльцо, какъ у птицы крыло на отлетѣ!
Кажется, имъ вотъ сей часъ и взмахнетъ! — Да нѣтъ! тяжеленька!

Сухаревъ строилъ ту башню, Полковникъ стрѣлецкой! — Во время
Бунта стрѣльцовъ на юныхъ Царей Петра съ Іоанномъ,
Вѣренъ съ своимъ онъ полкомъ двумъ братьямъ Царямъ оставался.
Именемъ вѣрнаго, въ память ему, Петръ и прòзвалъ ту башню;
Старая подпись о томъ возвѣщаетъ донынѣ потомству.

Старый народъ, какъ младенецъ, любитъ чудесныя сказки!
Тутъ, говорятъ старики, жилъ колдунъ-чернокнижникъ; донынѣ
Цѣлы всѣ черныя книги его; но закладены въ стѣну!
Добрые люди не вѣрьте! — Тутъ прадѣды ваши учились,
Какъ по морскому пути громоносныя править громады!

Тотъ же народъ простодушный любитъ веселую шутку!
Есть у него поговорка, что будто Иванъ нашъ великой
Хочетъ жениться, и слышно беретъ за себя онъ ту башню!
Дѣти въ народѣ простомъ, не привыкши умомъ иноземнымъ
Острыя шутки ловить, не натѣшатся выдумкой этой!

Нынѣ, когда о народной нуждѣ промышляетъ наука,
Въ этой башнѣ у насъ водоемъ, какъ озеро въ рамахъ!
Чистой воды, какъ хрусталь, бьютъ ключи, заключенные въ трубы;
Ихъ издалёка ведетъ подъ землею рука человѣка,
Литься заставя на пользу, скакать въ высоту на потѣху!

30 Іюля 1845.

18.

Поклонная гора.

Тамъ, на покатой горѣ зеленѣли когда-то три дуба!
Хищный орелъ залетѣлъ, и усѣвшись подъ тѣми дубами,
Взглядомъ кровавымъ въ добычу впился и готовилъ ужь когти!
Былъ бы пиръ; да спалило грозою могучія крылья,
Перья вѣтеръ разнесъ и засыпало зимнимъ ихъ снѣгомъ!

Тамъ за Москвой, на Поклонной горѣ зеленѣли тѣ дубы!
Не орлу съ той горы, а пришельцу вождю легіоновъ
Наша предстала Москва съ золотыми своими верхами;
И простершись во всю широту, ожидала безмолвно,
Жертва смиренная, жертва святая, да судъ совершится!

А по полямъ шли полки, громовыя катились орудья;
Двадцать народовъ тѣснились вокругъ съ знаменами Европы;
Двигалось все и неслось, и жадно вторгалось; но страшно
Было идти имъ вдоль улицъ безлюдныхъ, безмолвныхъ, и слушать
Въ той тишинѣ только топытъ копытъ безподковныхъ ихъ коней!

Здѣсь, изъ подъ этихъ дубовъ, онъ смотрѣлъ, выжидая посольства,
Нашихъ Сенаторовъ ждалъ, и Бояръ, и сердился и кликалъ;
Только они не пришли и торжественной не было встрѣчи!
Правда, Москву въ ту же ночь освѣтили и мы, да пожаромъ!
Сильный съ тѣхъ поръ подъ землей; а природа все вновь зеленѣетъ!

О! какъ любилъ я смотрѣть въ тишинѣ на эти три дуба!
Въ тихомъ вечернемъ сіяньѣ они—такъ мирно стояли!
Онъ же, подъ тѣнію ихъ, озиравшій, какъ демонъ, святыню,
Не видалъ надъ своей головой, что звѣзда его гаснетъ!
Мрачно сошелъ онъ съ горы; не сошелъ онъ съ утеса Елены!

1 Авг. 1845.

19.

Крикуны.

Бросимъ мы этихъ незва́ныхъ судей, просвѣтителей міра!
Міръ и не знаетъ о нихъ; имъ дивится лишь свой муравейникъ!
Бросимъ ихъ споры, съ которыхъ тщеславіе дань собираетъ,
Льстя самолюбію звонкихъ головъ, въ пустотѣ очертившихъ
Мелкій поклонниковъ міръ и кумировъ, воздвигнутыхъ ими!

Это, какъ нѣкій учитель сказалъ, облака, по пространству—
Неба воздушнаго, вѣтромъ гонимые, мимо проходятъ!
Жаждутъ ли нивы дождей; но дождь не шумитъ изъ безводныхъ:
Только что свѣтъ затмѣваютъ они благодатнаго солнца;
Только послѣднюю ро̀су земли́ въ себя поглотили!

Пусть ихъ шатаются изъ-дому въ домъ, и не знаютъ покоя,
Ни покоя ушамъ не даютъ, проповѣдуя звонко—
Эти славянство, тѣ европейство, тѣ православье,
Эти всебожія мысль, гегелистскую новую мудрость;
Пусть рукоплещутъ, въ чепцахъ, въ сертукахъ, имъ всѣхъ вѣръ новобранцы!

Есть же и добрые люди, живущіе тихою жизнью!
Мѣркой чужою они не мѣряютъ Русь-исполина!
Наша ли матерь Москва позабудетъ о дѣдахъ!—Не въ ней ли
Ихъ и привольную жизнь, и преданья, и зданья, и гробы,
Память и время хранятъ; и не въ ней ли почіетъ святыня?

Дерево можно остричь; но корень останется тотъ же!
Правда, духъ рускій и здѣсь не въ очью совершается нынѣ;
Вѣетъ однако же онъ, православную грудь освѣжая!
Легче дыханію въ немъ, чѣмъ въ странѣ, гдѣ ужь рускаго духа
И видóмъ не видать, и слыхòмъ не слыхать, какъ въ чужбинѣ!

3 Авг. 1845.

20.

Древнія стѣны.

О! сохраните вы эти священныя, древнія стѣны,
Башни съ двуглавымъ орломъ, отовсюду стоящемъ на стражѣ!
Дороги Руси онѣ! Ихъ ничѣмъ не замѣнишь народу!
Зданія можетъ возвысить рука одного; но преданья
Время творитъ и народъ: ихъ не зиждетъ рука человѣка!

Нѣтъ! не дадите никакъ вы колоссамъ и зданіямъ славы!
Кто пирамиды воздвигъ? — Умолчали Египта преданья!
Славу не власть раздаетъ!—Гдѣ совершались дѣянья народа,
Гдѣ къ самой почвѣ земли родовая прикована память,
Тамъ лишь незыблемъ стоитъ монументъ, говорящій съ потомствомъ!

5 Авг. 1845.

21.

Ополченіе 1812 года.

Наши потомки будутъ завидовать намъ, что мы жили
Въ славный двѣнадцатый годъ, что исторію видѣли въ лицахъ!
Дѣти, надменные дѣти! тогда не до умниковъ было!
Ваши отцы не словами въ тѣ дни за народность стояли!
Нѣтъ! а подставили грудь за одно съ православнымъ народомъ!

Плуги въ мечи расковавъ и серпы разогнувши на копья,
Рускіе бари сѣрый зипунъ не изъ чванства надѣли:
Нѣтъ! онъ у всѣхъ былъ въ почетѣ тогда, какъ мундиръ ополченья!
Мѣдный на шапкѣ былъ крестъ, знакъ главы, обреченной за вѣру;
Церкви святыя хоругви знаменами шли передъ ратью!

Помню дни славы и я! — Русь, какъ море предъ бурей кипѣла!
Не было фраковъ тогда и въ поминѣ на нашихъ бульварахъ;
Модныхъ плащей не видать: все мундиръ, да кафтанъ ополченья!
Ратники съ копьями шли въ бородахъ по большимъ по дорогамъ;
Старый да малый въ домахъ: воевали по сёламъ и бабы!

Вотъ вамъ народность!—Она не въ словахъ, а на дѣлѣ явилась!
Мигомъ открылась: духъ руской понялъ ее и безъ толковъ!
Дѣло не въ шапкѣ, друзья; а главное въ томъ, что подъ шапкой!
Нѣтъ! не въ кафтанѣ оно; а какую онъ грудь прикрываетъ!
Руское сердце забилось—и дрогнуло сердце народовъ!

Помню тотъ день я, когда воротилось назадъ ополченье!
День былъ прекрасный!—Кремлевская площадь покрылась рядами
Ратныхъ людей въ бородахъ; привели ихъ вожди ихъ—дворяне!
Отслуживши отчизнѣ, они—шли, какъ мирные люди,
Вновь по домамъ приниматься опять за родимую соху!

Помню—на площадь къ нимъ вышелъ Владыка во всемъ облаченьѣ;
И простеръ Августинъ краснорѣчія громкое слово,
Принялъ хоругви отъ нихъ, окропилъ ихъ святою водою,
И опять внесъ въ соборъ храмовыя святыя знамена!
Слезы лилися у всѣхъ; а на сердцѣ такъ было свободно!

5 Авг. 1845.

22.

Балъ.

Тысячи блещутъ огней сквозь зеркальныя свѣтлыя стекла;
Тѣни головъ и головокъ мелькаютъ сквозь тонкія шторы;
Темная зелень деревъ, померанцовыхъ, съ цвѣтомъ душистымъ,
Кажетъ по лѣстницѣ входъ—и разосланъ по гладкимъ ступенямъ
Англіей тканный цвѣтникъ, и курятся изъ вазъ ароматы!

Домъ изъ стариннаго за́ново въ вкусѣ старинномъ отдѣланъ!
Прежде стояли тутъ кресла, диваны; теперь и названья
Выучить скоро нельзя; а выучишь—снова забудешь!
Утварь въ гостиной разбросана такъ прихотливою модой,
Гдѣ ни попало, что точно какъ будтобы послѣ пожара!

Вотъ и хозяйки само́й кабинетъ: тамъ вкусъ возрожденья!
Кресло иное глядитъ, какъ паукъ; два другія—змѣею;
Въ эти садятся пять-шесть человѣкъ, всѣ другъ къ другу спиною;
Въ эти другъ къ другу бочкомъ, и другъ на́-друга изкоса смотрятъ;
Всѣ зеркала по угламъ; посрединѣ ступеньки съ цвѣтами.

Музыка въ залѣ гремитъ! фигурно-ученые звуки!
Вихремъ поднявшійся Ланнеровъ вальсъ—мчитъ летучія пары!
Вотъ лавируетъ кадриль безконечно на томъ же все мѣстѣ;
Полька качается взадъ и впередъ, какъ на́-морѣ чайка;
Смотритъ густая толпа, и задумалась: скоро ли ужинъ?

Такъ ли у предковъ бывало?—Рѣзныя дубовыя стѣны;
Лавки покрыты персидскимъ ковромъ; тяжелыя двери
Красной обиты золо́ченой кожей; и мѣдныя гвозди.
Въ кубкахъ чеканныхъ гостямъ—со́-льду меды́ подавали;
Чашникъ носилъ, а хозяинъ за нимъ, и кланялся въ поясъ.

Чудные нравы!—Сядутъ за столъ: пироги и похлебки!
Гуси, куря́, что съ подливкой, что ве́рчено, пря́жено, съ лукомъ!
Полъ-осетра подъ разсоломъ, полъ-осетра съ огурцами,
Разные сырники, съ медомъ аладья, кисель подъ шафраномъ;
Вотъ и хозяйка выходитъ сама, и подчуетъ водкой!

Какъ бы потѣшились дѣды, увидѣвъ, что мы уже нынѣ,
Не по зву барабана, на ба́лы съѣзжаемся сами!
Только пришли намъ билетъ—и дѣла, и дѣтей позабудемъ!
Дочери пляшутъ; матери въ токахъ драпируютъ залу;
Въ карты играютъ отцы, или ходятъ по залѣ, какъ тѣни!

6 Авг. 1845.

23.

Площадь.

Есть у Кремлевскихъ Никольскихъ воротъ трехсторонняя площадь.
Зданье сената съ одной стороны, а съ другой арсенала;
Съ третьей же древнихъ сокровищъ и утварей царскихъ палата!
Вотъ, иноземецъ, смотри, и скажи, что у насъ нераздѣльны
Ратный снарядъ, храмъ суда и величіе царской короны!

А глядите, какъ эти орлы, налетѣвши рядами,
Мѣдно-когтистыми лапами въ ржавыя пушки впились!
Чьи же всѣ были онѣ?—И не вспомнишь!—Двадцать народовъ
Шли на Москву и на Русь: то все ихъ онѣмѣвшіе громы!
Русь незлопамятна: пушки взяла; имена позабыла!

Вотъ и Никольская башня, гдѣ древній Святителя образъ
Вдѣланъ въ стѣнѣ, и горитъ день и ночь передъ ликомъ лампада!
Треснула въ взрывѣ Кремля и она въ двѣнадцатомъ годѣ;
Но святыня цѣла, уцѣлѣло стекло на кіотѣ,
Та же лампада на слабой цѣпи виситъ и донынѣ!

Видите-ль?—Божія власть самовластья людскаго сильнѣе!
Тамъ, гдѣ твердыня Кремля потряслась и треснула башня,
Тамъ, гдѣ вскинуто взрывомъ бревно пролетѣло чрезъ площадь
И вонзившися въ землю концомъ, какъ стрѣла, задрожало:
Сила была ни во что!—Запретятъ—и она онѣмѣетъ!

6 Авг. 1845.

24.

Купецкая свадьба.

Скачетъ карета, лакъ какъ стекло, васильковаго цвѣта,
Вся въ небывалыхъ какихъ-то гербахъ, и фигурная бронза;
Сѣрыя въ яблокахъ шесть лошадей, щегольскія, масть къ масти;
Двое форрейторовъ встрѣчнымъ визжатъ; на лакеѣ ливрея;
Рядомъ съ нимъ малой стоитъ, и съ борами кафтанъ, и въ картузѣ!

Скачутъ за ней вереницей колязки и парой пролетки;
Однолошадныхъ рядъ длинный потомъ—извощичьихъ дрожекъ!
Чудно!—Парадный такой экипажъ; чтожь онъ весь изукрашенъ
Такъ золотисто, цвѣтно и свѣтло!—Что за цугъ генеральской?
Что за по́ѣздъ за нимъ?—То скачетъ купецкая свадьба!

Это послѣдній и лучшій—въ жизни дѣвической праздникъ!
Встарь жениха да невѣсту звали вѣдь князь да княгиня!
Рускіе люди привыкли свадьбу праздновать пышно!
Нынче Европа вплелась и въ родные обычаи наши:
Это наемный свадебный цугъ и подъ барство поддѣлка!

Прежде, бывало—дѣвишникъ: дѣвицы, подруги невѣсты,
Русую косу ей подъ вѣнецъ заплетаютъ подъ пѣсни;
Жалобенъ звонкій ихъ хоръ, и безмолвно у ней, какъ у жертвы,
Катятся крупныя слезы; наслушавшись пѣсенъ подружекъ,
Грустно и сладко душѣ: понаплачется—сердцу и легче!

Нынче французъ хладнокровно разчешетъ шелкóвую косу;
(Смѣлъ бы къ дѣвúчей косѣ тогда басурманъ прикоснуться!)
Букли завьетъ и приколетъ цвѣтокъ fleur d'orange, гдѣ прилично;
Въ лайковыхъ бѣлыхъ перчаткахъ, молча, подруги невѣсты
Шпильки ему подаютъ; а ужь свадебныхъ пѣсенъ неслышно!

Рускій народъ не отсталъ отъ роднаго завѣтнаго чувства!
Свадьба пышнá, а грустна; разливàнное море, а слезы!
Дѣвицѣ грустно родительской домъ покидать, и подружекъ;
Только обычай чужой ей на грусть не даетъ ужь отвѣта!
Съ рускою душой не сроднится никакъ чужеродный обычай!

11 Авг. 1845.

25.

Карты.

Карты да карты!—Сидятъ, какъ въ станкахъ!—Нѣтъ! вы ихъ не браните!
Жизнь коротка, говорятъ мудрецы; а вѣдь это неправда!
Нѣтъ! жизнь длинна; не найдешь чѣмъ убить безконечное время!
Еслибъ не карты, что дѣлать бы съ нимъ и кудабы дѣваться?
Жизнь для иныхъ безъ игры не была ли бы скучная вѣчность!

Въ картахъ всѣ люди равны: то выгода въ свѣтѣ большая!
Въ картахъ всѣ гости умны: не послѣдняя выгода тоже!
Въ картахъ всѣ скромны: молчатъ, и лишняго слова не скажутъ,
Или одни все, и тѣ же слова, произносятъ, подумавъ!
Ежели такъ, то выходитъ, что карты—прекрасное дѣло!

Нѣтъ! не люблю ихъ! онѣ собираютъ однихъ автоматовъ;
А разводятъ людей: что, по мнѣ, нехорошее дѣло!
Ежели ты человѣкъ—у тебя есть и разумъ, и слово;
Даръ благородный Творца, мысль и слово творятъ человѣка!
Кто же за карты засѣлъ, тотъ отрекся отъ Божьяго дара!

Жалко смотрѣть иногда: соберутся друзья и родные;
Сколько бы можно чувствъ сердца излить въ дружелюбной бесѣдѣ!
Сколько бы мыслей раздѣлъ кругъ семейственный сдвинулъ тѣснѣе!
Нѣтъ! – Подавайте столы!—И засядутъ за нихъ, какъ чужіе!
Чувства живыя молчатъ, пропадаютъ и добрыя мысли!

Вспомню я тѣ четверги, на которые насъ благородный,
Добрый начальникъ Москвы, приглашалъ, какъ любителей слова! *)
Не было картъ у него; а часы пролетали на крыльяхъ!
Сколько тутъ мнѣній раждалось при немъ откровенныхъ и смѣлыхъ!
Сколько читалося звучныхъ стиховъ въ дѣловомъ кабинетѣ!

Сладостно вспомнить тѣ вечера! -- и сладостна память
Мужа, любимца Царей, родоваго вельможи, который
Вóйска въ поляхъ предводилъ, возвеличилъ Москву и украсилъ,
Правду въ судахъ охранялъ, и въ свободное время отъ службы
Слухъ свой съ любовью склонялъ къ благороднымъ поэзіи звукамъ!

14 Авг. 1845.

*) Князь Дм. Влад. Голицынъ.

26.

Прѣсненскіе пруды.

Только что на́-мостъ взойдешь, лишь минуешь зеленыя липы
Справа и слѣва пруды, какъ волшебствомъ откроются взору!
Ужь не это ли сказочный міръ, гдѣ махни лишь ширинкой,
И разстелются вдругъ голубыя широкія воды,
А вдругорядь махнулъ, перекинется мостъ небывалый!

Кто развернулъ, разостлалъ ихъ широкую водную скатерть?
Кѣмъ два огромныя зе́ркала чистой воды—въ золотыя
Вставлены рамы прибрежныхъ песковъ, чтобъ въ стекло любовались
Скромная дѣва младая луна и веселое солнце,
И задумалась, кудри склонивъ, бѣлокурая ветла!

Длинныя вѣтви висятъ шелковистой густой бахрамою!
Тѣнь, тишина, и прохлада воды, и прекрасные виды!
Рѣдко кто мимо пройдетъ; размышленью просторъ и свобода!
Зелень, лазурь, серебро, а вдали золотятся на солнцѣ
Церкви, дома, колокольни, сады, сокращенныя далью!

Въ день лишь гулянья сюда многолюдный сбирается городъ:
Шляпки всѣхъ модъ и цвѣтовъ по прибрежнымъ тѣснятся дорожкамъ,
Хоръ музыкантовъ гремитъ, и лодка плыветъ росписная,
Вѣтеръ вздуваетъ наметъ и полощетъ пестрѣющій флюгеръ,
И согласныя пѣсни гребцовъ по водѣ раздаются!

Прежде, я помню, тутъ кленъ зеленѣлъ, и спускалися вѣтви
Къ самой водѣ; а съ другой стороны, какъ шатеръ осѣняли
Каменный гротъ.—Я былъ юноша; кленъ ужь дряхлѣлъ, и давно бы
Вовсе свалился старикъ; но желѣзомъ, какъ мужъ, опоясанъ,
Долго стоялъ богатырь, и шумѣлъ многолиственнымъ шлемомъ!

18 Авг. 1845.

27.

Дворцовый садъ.

Въ день Вознесенья въ Дворцовомъ саду я помню гулянье.
Весь поднимался народъ, какъ птичьи стада, или пчелы;
И пустѣла Москва. И весь годъ продремавши безмолвно,
Шумной и пестрой толпой оживлялись густыя аллеи,
И надъ чашей широкой прудовъ воскресали фонтаны!

Много съ тѣхъ поръ, какъ въ Парижъ мы сходили съ учтивымъ визитомъ,
Много съ тѣхъ поръ измѣнилось въ обычаяхъ нашихъ и нравахъ!
Прежде, бывало, народъ не толкался еще съ господами:
Помню, и въ этомъ саду, и купцы, и купчихи бывало
Чинно, рядкомъ, по сторонкамъ аллей, на гуляющихъ смотрятъ!

Худо ли это, иль нѣтъ!—Другъ свободы поэтъ, не неволи!
Только я послѣ другое видалъ: тутъ ужь купчики-франты
Ходятъ, руками сплетясь, пять-шесть человѣкъ вереницей;
Загородятъ аллею—и нѣтъ гуляющимъ ходу!
Воля на пользу, когда отъ нея и другому не тѣсно!

Эти столѣтнія липы, широ́ко-тѣнистыя липы,
Видѣли Анны и Бирона черное время, и помнятъ
Елизаветы вѣкъ золотой!—Подъ прохладной ихъ тѣнью,
Въ шитыхъ придворныхъ кафтанахъ, блистая огромной звѣздою,
Важно ходили, быть можетъ, вельможи прошедшаго вѣка!

25 Авг. 1845.

28.

Паркъ.

Вотъ онъ, нашъ городъ въ зеленомъ саду!—По широкимъ аллеямъ
Вычурныхъ, свѣтлыхъ, красивыхъ домовъ живописныя группы;
Двери стеклянныя настежь; предъ ними терасы съ цвѣтами;
Ходятъ, сидятъ на балконахъ довольныя, ясныя лица;
Бѣгаютъ дѣти вокругъ; что за міръ простоты и свободы!

Это Петровской нашъ паркъ и веселыя лѣтнія дачи!
Быстро летятъ вдоль аллей одинъ за другимъ экипажи,
Скачутъ отважно верхомъ, развѣвая вуалями, дамы;
Музыка въ окна слышна: и звукъ арфы и голоса пѣнье!
Видно, здѣсь лѣтняя жизнь весела: и Москва позабыта!

Въ этомъ же паркѣ есть мѣсто одно, гдѣ старинныя липы
Лугъ осѣняютъ кругомъ, и въ жары прохлаждаемый тѣнью!
Этотъ лугъ любитъ народъ: тутъ всегда на столахъ самовары,
Всякой день много гостей; тутъ купцы и мѣщане съ семьями,
Сидя кружка́ми, пьютъ чай, и пестрѣетъ нарядами зелень!

Весело смотритъ на нихъ нашъ Петровской готической замокъ!
Круглыя башни, витыя трубы́, остросводныя о́кна,
Бѣлаго камня рѣзные столбы, темно-красныя стѣны!
Въ темной, густой и широкой зелени сосенъ старинныхъ,
Веселъ и важенъ онъ дѣдъ между внучатъ младыхъ и веселыхъ!

Въ этотъ-то замокъ бѣжалъ второпяхъ изъ Москвы истребитель,
Ночью, какъ море огня логовище его охватило!
Тутъ изъ окна онъ глядѣлъ, какъ оно волновалось, кипѣло,
Жгло и палило, треща, чтобъ и камень очистить подножный,
Гдѣ онъ ступалъ!—Тутъ впервые безстрашнаго сердце дрожало!

Темная ночь та была!—Беззвѣздны осеннія ночи!
Небо чернѣлось кругомъ, лишь зарево сверху зіяло;
Только въ Москвѣ отъ огня колокольни и церкви бѣлѣли;
Черный дымъ поднимался надъ ней, какъ крылія змѣя,
И вилися огня языки, и сыпались искры!

Адская ночь миновала!—Вотъ всходитъ привѣтливый мѣсяцъ—
Тамъ озаряетъ главы́ онъ перквей и кресты золотые,
Здѣсь серебритъ онъ листы и дрожитъ на кудрявыхъ вершинахъ!
Мирно тотъ за́мокъ стоитъ и спокойны веселыя дачи,
Миренъ въ нихъ сонъ до утра̀, и на радость восходитъ намъ солнце!

21 Окт. 1845.

29.

Слушатели поэта.

Слышалъ я строгихъ судей, какъ поэзіи дѣвы небесной
Стройный внимая напѣвъ, отголосокъ нездѣшняго міра,
Міра, гдѣ все красота, гдѣ все жизнь, и все звукъ, и все образъ—
Важно открыли они, что на словѣ не тутъ ударенье!
Такъ для этаго слушали вы? я подумалъ, качнувъ головою!

Жалкіе люди!—А онъ, отверзая поэзіи небо,
Думалъ и васъ унести за собой на крылахъ вдохновенья!
Думалъ похитить у васъ въ благодарность сочувствія радость!
Вы же, тяжелыя души, не тронулись съ мѣста, и только
Уши замѣтили звукъ!—Вотъ и вся вдохновенью награда!

Что-то есть странное въ насъ!—Предлагаетъ ли жизнь, иль искуство,
Нашему духу восторгъ, или люди насъ праздникомъ тѣшатъ—
Мы наслажденіе прочь; а отыщемъ сперва недостатки!
Все Европа у насъ на умѣ!—Какъ пріѣзжій въ столицѣ,
Все мы боимся, чтобъ намъ не за нѣвидаль что показалось!

26 Ноября 1845.

30.

Языкъ поэзіи.

Странная мысль мнѣ пришла! — Первобытный языкъ человѣка
Не былъ ли мѣрный языкъ, обрѣтѣнный поэтами снова?
Какъ онъ естественъ и живъ! Онъ не то, что лѣнивая проза!
Всѣ въ немъ слова, какъ лады; рѣчь, какъ полная звуковъ октава!
Въ прозѣ—оратая трудъ; а въ поэзіи—сила атлета!

Страшно становится мнѣ, какъ подумаю: сколько несчастныхъ,
Тонкаго слуха и ясныхъ очей лишены, неспособны
Вѣянья жизни принять, животворныхъ силъ духа извѣдать!
Грубая рѣчь для потребности дня лишь—ихъ слухъ отверзаетъ;
Грубый житейскій лишь бытъ—устремляетъ ихъ жадныя очи!

Низко упалъ тотъ народъ, гдѣ поэтамъ высокимъ не внемлятъ!
Ниже еще, гдѣ они не являются болѣе міру!
Тамъ, гдѣ въ народѣ нѣмомъ замолчало высокое слово,
Тамъ невозможны—высокой полетъ, ни великая жертва!
Въ заревѣ нашей Москвы—пѣлъ во станѣ пѣвецъ вдохновенный!

30 Ноября 1845.

31.

Монументы.

Нѣтъ монументовъ въ Москвѣ, ни Царямъ, ни вождямъ бранноноснымъ!
Помня синайскій законъ, охраняясь языческой славы,
Предки не ставили ихъ, не творили народу кумировъ;
Чтили лишь память Царей, поминая въ моленіяхъ церкви,
Чтили лишь доблесть мужей, въ лѣтописцы внося ихъ дѣянья!

Мы же, потомки ихъ, въ новое время, разумно воздвигли
Въ символъ минувшихъ и будущихъ лѣтъ—лишь два монумента:
Мининъ съ Пожарскимъ въ одномъ; а въ другомъ ликъ премудрой Царицы!
Первый на площади: онъ говоритъ о свободѣ отъ ига;
Въ домѣ дворянства другой—говоритъ о правахъ и законѣ.

4 Дек. 1845.

32.

Маленькой вечеръ.

Маленькой вечеръ; всѣ гости изъ лучшаго круга столицы!...
Чисто, душисто, свѣтло; все нарядной блеститъ простотою;
Вѣчная зелень плюща̀ сквозь рѣшетокъ сквозитъ арабескомъ;
Нѣтъ принужденья: французъ съ бородой развалился на креслахъ;
Дама одна подала мнѣ рукою небрежной папи́росъ.

Дамы щебечутъ, какъ птицы: лишь звуки, а мыслей неслышно!
Токовъ цвѣтные концы—висятъ, какъ хвосты попугаевъ!
Живчикъ какой-то прыгъ-прыгъ, какъ снѣгирь!—Я забылся съ минуту:
Точно я въ птичникъ попалъ!—Мнѣ почудилось, это какой-то
Міръ фантастической, сонъ!—И я въ первый разъ Гофмана понялъ!

7 Дек. 1845.

33.

Купцы въ рощѣ.

Что за народъ!—Безъ ѣды и безъ чванства имъ нѣтъ и гулянья!
Въ рощу поѣдутъ—везутъ пироги, самоваръ и варенье!
Ходятъ—жуютъ; поприсядутъ—покушаютъ снова!
Точно природа изъ всѣхъ имъ даровъ отпустила лишь брюхо,
Не для нихъ сотворивъ и поля, и пернатые хоры!

Мало имъ этихъ высокихъ шатровъ и лазури, и листьевъ!
Мало лѣсовъ и полей тишины, и цвѣтовъ ароматныхъ!
Нужно еще, чтобъ гремѣлъ тутъ затянутыхъ хоръ музыкантовъ;
Чтобъ разнощиковъ крикъ потѣшалъ ихъ позы́въ на ѣду́ ненасытный;
Чтобы дымъ самоваровъ, сигаръ, заражалъ и природу!

Мало имъ крику въ рядахъ, гдѣ корысть, день деньской, надсѣдаясь,
Хвалитъ гнилой ихъ товаръ, зазывая въ ихъ темныя лавки;
Мало имъ сырости, тьмы, и морозу, и чаю въ прикуску;
Мало трактирной возни, духоты, и визгливыхъ органовъ:
Нѣтъ! и природу бъ еще на купеческій ладъ передѣлать!

О! ты прекрасна, природа, тому, кто умѣетъ съ тобою
Тихо бесѣдовать, слушая голосъ твой, нѣжная матерь!
Ты приготовила намъ и душистую зелень, и хоры
Птичекъ, свободныхъ пѣвцовъ, музыкантовъ, безъ платы поющихъ!
Буду ихъ слушать! уйду!—Проклажайтесь себѣ на здоровье!

16 Генв. 1846.

34.

Память по Благословенномъ.

О мой герой, Александръ, вождь Царей, примиритель народовъ!
Кроткій въ побѣдномъ вѣнцѣ, терпѣливый и твердый въ дни бѣдствій!
Избранный свыше сразить несразимаго, благословенный!
Я ли забуду тебя въ сихъ пѣсняхъ, Москвѣ обреченныхъ!
Я ли забуду твой вѣкъ и героевъ, тобой порожденныхъ!

Сколько народъ и потомство ни ставятъ Царямъ монументовъ,
Время ихъ всѣ истребитъ!—И хотя бы тебѣ соименный
Царь Македонскій возмогъ свой рожденный гордынею помыслъ
Въ память оставить вѣкамъ: изъ горы каменистой Аѳоса
Ликъ свой гигантскій изсѣчь; и его сокрушило бы время!

Сколько ни славятъ побѣдныхъ именъ и именъ миротворцевъ,
Время пройдетъ—и дѣянья ихъ лягутъ въ скрижали писаній:
Тамъ ихъ послѣднюю память отыскивать будутъ потомки!
Имя твое лишь одно, изъ отшедшихъ съ земли вѣнценосцевъ,
Чуднымъ уставомъ судьбы сохранится въ устахъ, какъ живое!

Каждый годъ церковь его возгласитъ съ именами живущихъ!
Правнукъ во храмѣ, въ день Рождества, не вздрогнетъ ли, услышавъ
Въ возгласѣ купномъ: и многая лѣта, и вѣчная память!
Нѣтъ! не удержитъ онъ слезъ, какъ и я, современникъ твой, вспомня
Все: и лица твоего красоту, и прекрасную душу!

31 Генв. 1846.

35.

Москва-рѣка.

Рѣкъ судоходныхъ въ Москвѣ не найдешь; черезъ бѣдную рѣку
Въ лѣтнюю пору у насъ—и куры въ бродъ переходятъ!
Встарь черезъ этотъ же бродъ пробирались къ намъ злые татары:
Крымскимъ бродомъ то мѣсто зовется у насъ и донынѣ.
Нѣтъ у насъ быстрыхъ судовъ, и вымпеловъ вѣтръ не полощетъ!

Но лишь только свой бѣлый коверъ зима разостелетъ
И какъ лебедь омытый въ водахъ, Русь заблещетъ на солнцѣ;
Только земля, какъ красотка села, прирядившись къ обѣднѣ,
Вздѣнетъ на пестрый нарядъ свою бѣлую, новую шубу:
Вотъ и потянутся съ рускимъ добромъ къ намъ отвсюду обозы!

Еслибъ съ какой высоты, хоть съ Ивана-великаго, бросить
Взглядъ по заставамъ: ко всѣмъ протянулись ихъ нити живыя;
Улицы всѣ въ перекрестъ шевелятся живою ихъ сѣтью;
Площади, рынки народомъ кишатъ, какъ въ лѣсу муравейникъ;
Русь навезетъ къ намъ добра, а Москва угоститъ и раскупитъ!

Вотъ, посмотрите, летятъ, какъ степные слѣпни, наудачу
Въ сотняхъ саней, безъ возжей, и продавъ, и на радости выпивъ!
Что за руской народъ удалой! Жизнь копейка—и полно!
На-вотъ! пробѣйся насквозь, да попробуй отбить другъ отъ друга!
Руси враги! каково, какъ штыками ихъ строй приударитъ!

Февр. 1846.

36.

Грустная мысль.

Еслибъ куда отъ Москвы я судьбой былъ заброшенъ далеко,
Въ пышный ли городъ, гдѣ флаги чужихъ кораблей развѣваютъ,
Въ тихій ли даже пріютъ, гдѣ густыя зеленыя рощи,
Съ-молоду шумомъ своимъ наводили мнѣ сладкую думу:
Всюду я сталъ бы грустить, и вездѣбы я былъ, какъ въ чужбинѣ!

Какъ Овидій въ изгнаньѣ о Римѣ грустилъ, сталъ и я бы
Всюду о сѣверномъ Римѣ моемъ тосковать, какъ изгнанникъ;
Видя, что не съ кѣмъ мнѣ мысль раздѣлить, я скажу, какъ Овидій:
«Варваръ здѣсь я, не они; всѣ они разумѣютъ другъ друга,
Я лишь одинъ говорю языкомъ для другихъ непонятнымъ!» *)

23 Марта 1846.

*) Barbarus hic ego sum, quia intelligor nullo! *Ovid.*

37.

Молва и сплетни.

Добрая наша Москва! говорятъ, что на старости любишь
Сплетни ты слушать, молву распускать; что отъ нечего-дѣлать
Судишь и рядишь ты все—между тѣмъ, какъ твой юный соперникъ
Властью и юностью гордъ, разговаривать много не любитъ!
Да и некогда время терять: озабоченъ онъ дѣломъ!

Нѣтъ! то ужь время прошло, и молва отъ тебя не исходитъ!
Нѣтъ! ты на старости любишь—только спросить, да послушать;
Головой покачать, да вздохнуть, да сквозь слезъ улыбнуться!
Нѣтъ! ты не любишь судить: лишь въ семейномъ отечества дѣлѣ
Голосъ ты свой подаешь; а Москвы отголосокъ—Россія!

Апр. 1846.

38.

Въ память К. И. М. Д.

Здѣсь онъ бывало сидѣлъ передъ домомъ на вѣтхой терасѣ,
Глядя съ унынiемъ вдаль, на кладбище Фили за Москвою.
Мы, молодежь, вкругъ него хохотали, шумѣли, играли;
Онъ не мѣшалъ, но съ улыбкой и шуткой вступалъ въ разговоры!
Думалъ о смерти; а жизни былъ радъ, какъ осеннему солнцу!

Жизни былъ радъ; а о смерти мечталъ! —Такъ радъ гость угощенью;
А задумавшись, вспомнитъ подъ часъ, что пора восвояси!
Но для насъ мысль о смерти была далекà—въ безпредѣльномъ,
Новомъ пространствѣ пути, озаряемомъ юности утромъ,
Солнцемъ весеннимъ любви!—И дивились мы чудному старцу!

Такъ! мы дивились ему, что онъ юношамъ духомъ ровестникъ,
Что шутливую лиру спускалъ онъ на грустные тоны;
Что гонимый людьми, онъ, какъ братьевъ, любилъ человѣковъ;
Что измѣнчивость міра познавъ, онъ привязанъ былъ къ міру;
Что онъ къ жизни любовь сочеталъ съ равнодушіемъ къ смерти!

Нѣтъ! онъ не тамъ положенъ средь зеленыхъ березъ подъ Филями!
Онъ положенъ межь своихъ, межь потомковъ князей знаменитыхъ!
А не онъ ли поэтъ завѣщалъ, чтобы вмѣстѣ со всѣми
Бренный составъ и его—истлѣвалъ на народномъ кладбищѣ,
Насъ поучая, что смерть—возвратитъ правъ природныхъ равенство!

Гдѣ же вся эта семья, столь радушная къ юности нашей?
Холодомъ смерти и вѣтромъ судьбы разбросало ихъ розно!
Домъ ихъ вали́тся давно, дворъ заглохъ подъ густою крапивой,
И дорога къ крыльцу заросла непривѣтной травою,
И давно мы, давно въ сѣдинахъ, молодые ихъ гости!

5 Іюня 1846.

39.

Славянофилка.

«Нынче я на́-вечеръ жду моихъ Славянъ добродушныхъ!
Между прочимъ барона Фрейбокъ! Какъ онъ милъ и любезенъ!»
Такъ говорила мнѣ свѣтская дама одна, пофранцузски.
Вотъ и Славяне въ чести! Хорошо—я подумалъ—однакожь,
Не въ урокъ ей сказать, у Славянъ. . . не бывало бароновъ!

Бѣдная! все ей равно!—Она, лишь послѣдуя модѣ,
Хочетъ Славянъ собирать и бесѣдовать съ ними о Руси!
А сама пофранцузски свое приглашенье лепечетъ,
На́-вечеръ Нѣмца зоветъ и считаетъ его Славяниномъ!
Много же пользы, друзья, принесли о народности толки!

Нѣтъ! я неправъ, и напрасно слетѣла съ души укоризна!
Пусть хоть и мода оно; все не то, что въ бывалое время,
Время, когда на Руси развелися Французы-аббаты!
О, нашъ двѣнадцатый годъ! И эта попытка, возникнуть
Послѣ тебя лишь могла и въ одной лишь Москвѣ православной!

23 Іюня 1846.

40.

Свѣтлое Воскресенье.

Темная ночь, и лежитъ тишина надъ Москвой многолюдной!
Не пройдетъ пѣшеходъ и заснули ея мостовыя;
Кремль утонулъ въ темнотѣ, не блистаютъ главы, и въ безлунномъ
Черномъ покровѣ небесъ жизнь какъ будто бы ждетъ пробужденья!
Но огни по домамъ, и не спятъ православные люди.

Полночь—и вдругъ загудѣлъ нашъ Великой-Иванъ—и отвѣтно
Раздались надъ Москвой всѣхъ церквей благовѣстные звоны!
Море гула разливомъ своимъ вышину затопило;
Зазвучали помосты камнéй; засвѣтились огнями
Божіи храмы: насталъ—часъ великій Христа воскресенья!

О! кто въ ту ночь не бывалъ въ православной столицѣ народа,
Этотъ нашъ звонъ не слыхалъ—вселенскую проповѣдь града,
И не видѣлъ, какъ волны людей прибываютъ отвсюду:
Тотъ не праздновалъ праздниковъ праздникъ, не чувствовалъ сладость
Съ цѣлой народа семьей поклониться Христа воскресенью!

22 Іюня 1846.

41.

Визиты.

Вотъ замолчали ужь раннихъ обѣдень прерывные звоны;
Къ позднимъ торжественно, громко звонятъ, и народъ пѣшеходовъ
Въ храмы опять; а ужь мы, лишь отъ раннихъ, давно разговѣлись!
Гдѣ намъ ждать долго, не спавши всю ночь!—Съ непривычки скорѣе-бъ
Разомъ всю службу чѣмъ свѣтъ отстоять, отдохнуть, и готовы!

Только намъ отдыха нѣтъ!—На другую готовы мы службу!
Весь православный народъ еще въ храмахъ стоитъ—и внимаетъ
Пѣснь, столь отрадную пѣснь, о Христѣ, возставшемъ изъ мертвыхъ;
А у насъ началась ужь ѣзда и каретная скачка:
Мы съ визитами изъ-дому въ домъ; намъ святыня—обычай!

Нужны ли эти всѣ люди, къ кому мы развозимъ поклоны?
«Э! хоть и вѣкъ бы не знать!—А не сдѣлай визитъ—и досада!»
Братья! не нынче ли праздникъ любви?—Иль приличіе выше?
Чѣмъ бы съ семьей провести вамъ торжественный праздникъ Господень,
Что вы толкаетесь къ тѣмъ, кто не проситъ любви и не хочетъ!

Прадѣды наши въ день этотъ сидѣли съ семьей, не шатались!
Только на третій день праздника ѣздили въ гости; къ кому же?
Къ старшему въ родѣ, потомъ къ кумовьямъ, да къ роднымъ попочетнѣй;
Вступятъ въ хоромы, крестомъ осѣнясь; похристосуясь, сядутъ;
Умную рѣчь поведутъ, да закусятъ, степенные люди!

24 Іюня 1846.

42.

Новинское.

Праздникъ идетъ чередомъ! Подъ Новинскимъ кипитъ ужь гулянье!
Новый возникъ городокъ, азіатской, красивый, цвѣтистый!
Музыка, скачка, паяцы, качели; все весело, шумно,
Живо, нарядно, пестро; вереница людей; между ними
Молча купцы и купчихи тянутся мимо, какъ тѣни!

Ну, а что же народъ, который назва́лъ нашъ Державинъ
Бодрственнымъ росскимъ народомъ, хранящимъ отечески нравы?
Тоже, что былъ и при Несторѣ!—«Руси веселіе пити!»
Правъ нашъ великій поэтъ; но не лживъ же и инокъ правдивый!
О! искусителенъ круглый шатеръ съ символической ёлкой!

28 Іюня 1846.

43.

Старинные Вельможи.

Прежде здѣсь были палаты Вельможъ!—Въ то старинное время,
Вѣрой и правдой Царямъ отслуживъ на войнѣ и въ сенатѣ,
Здѣсь на покоѣ они утѣшались почетомъ и славой;
Здѣсь, потрудясь и умомъ и рукою на пользу отчизны,
Пышно, вельможно пируя, они всю Москву угощали!

Тотъ, кто живетъ для себя, пьетъ да ѣстъ, и могучую руку,
Сжавши надъ златомъ въ кулакъ, не протянетъ съ открытой ладонью
Бѣдному въ помощь, безсильному брату отъ сильныхъ въ защиту,
Всѣмъ на простую хлѣбъ-соль, да на пиръ про весь міръ безъ зазыву:
Тотъ въ хлѣбодарной Москвѣ въ старину не считался вельможей!

Важны казались они; но и прозьбѣ и нуждѣ доступны,
Съ поприща дѣлъ удалясь, не сходили съ высокой ступени:
Возвращались въ родную Москву, какъ въ великую семью!
Всѣ мы ихъ были семья; Русь родная—всѣхъ общая матерь;
Нужды народа они, какъ хозяева добрые, знали.

Вотъ ихъ палаты!—Хозяевъ ужь нѣтъ; но и самыя стѣны
Молча хранятъ ихъ завѣтъ, ихъ широкой руки не забыли:
Стоя безъ пышныхъ обой, обронявъ золотые карнизы,
Странныхъ онѣ угощаютъ теперь и покоютъ недужныхъ;
Были пиры для земли; вотъ и съ неба ихъ зовъ на трапе́зу!

Или хозяева есть, да не тѣ, а другіе!—Смотрите:
Съ заднихъ ужь крылецъ къ нимъ входъ; на замкѣ ихъ парадныя двери;
Лавочки въ нижнемъ жильѣ, иль безграмотной вывѣски надпись:
«*Въ хотъ врастеряцыю.*»—Знать, даровая хлѣбъ-соль позабыта!
Злато ихъ въ банкѣ лежитъ; угощаютъ того лишь, кто нуженъ,

Но забытую пышность хранятъ подмосковные домы:
Въ мраморѣ дышатъ еще тамъ рѣзцомъ изваянные лики;
Вѣчной весною цвѣтутъ очарованной кисти созданья;
Боги, богини, герои живутъ въ ихъ оставленныхъ залахъ,
И взираютъ вокругъ—молчаливые образы предковъ!

13 Авг. 1846.

44.

Вавилонскіе нравы.

Книжникъ какой-то сказалъ, что у насъ вавилонскіе нравы!
Богъ съ нимъ! Ему лишь бы хлѣба кусокъ: онъ отъ голода лаетъ!
Нѣтъ! Вавилонъ не у насъ; Вавилонъ былъ богатъ и развратенъ;
Онъ покланялся мамонѣ; сады онъ висячіе строилъ:
Наша же почва крѣпка; а на ней почиваетъ святыня!

Други! не вѣрьте тѣмъ людямъ, которые юношей учатъ
Прадѣдовъ память не чтить, надъ минувшимъ безумно глумиться,
Съ корнемъ былое, свое вырывать, насаждая чужое!
Это несчастные! некого чтить имъ, и не кого помнить;
Предковъ и рода не знали они, и семьи не укажутъ!

13 Авг. 1846.

45.

Къ Европейцамъ.

Что вы Европой намъ колите глазъ?—Мы не прочь отъ Европы!
Дайте Европу намъ!—Чтожь! мы съ Петра не чужіе Европѣ!
Мы не отстанемъ отъ ней: какъ она же, мы почву родную
Взроемъ съ веселымъ трудомъ; сѣмена сбереженныя бросимъ;
Не придетъ ли она—и у насъ отъ плодовъ поживиться!

Мы отъ Европы не прочь!—Но какаяжь то жизнь европейца
Въ рабствѣ у чуждыхъ головъ, чужаго ума набираться?
И въ Европѣ народъ на народъ не похожъ; такъ съ какимъ же
Сходны хотите вы быть?—Гдѣ народъ европейцевъ?—Есть нѣмецъ,
Есть англичанинъ, французъ; между ними пусть будетъ и рускій!

23 Окт. 1846.

46.

Угощеніе.

Свѣтскій нашъ кругъ одинаковъ вездѣ, и въ Москвѣ, какъ повсюду:
Вѣжливость, равный пріемъ, и живой разговоръ безъ участья;
Общій бѣседы предметъ, ни душѣ, ни семейству не близкій;
Тонкая гордость, которая ждетъ, а не требуетъ дани;
Скука, довольная всѣмъ, и улыбка какъ зимнее солнце!

Если хотите узнать вы московскую семью—ищите
Средняго круга людей, гдѣ въ довольствѣ довольны собою;
Тамъ вы найдете еще двѣ народныя наши отлики,
Вмѣстѣ живущія въ рускій душѣ: и радушье, и чванство!
Тамъ-то и васъ отъ души угостятъ, и себя вамъ покажутъ!

Праздникъ на лицахъ у всѣхъ, отъ господъ и до самыхъ лакеевъ!
Цѣлый домъ въ попыхахъ; такъ и видно, что праздникъ—не будни!
Въ новомъ кафтанѣ слуга впереди, а въ изношенномъ сзади;
Но и задній себя приряднлъ, хоть манишкой съ пунцовой подкладкой!
Суета и парадъ, и замѣтно, что счастливы бари!

Тамъ не припрячутъ дѣтей, а нарядятъ и къ гостю подводятъ!
Даже ребенокъ грудной не уронитъ дворянскаго чина:
Пышно одѣтая, кровь съ молокомъ, и въ кисейной сорочкѣ,
Мимо гостей, по домашнему, вдоль по гостиной и залѣ,
Съ барскимъ дитятей кормилица ходитъ, какъ гордая пава!

Если считаютъ еще васъ ученымъ они человѣкомъ,
То есть видавшимъ чужіе края, или много читавшимъ
Книгъ на чужихъ языкахъ, то и важныя рѣчи заводятъ:
Или о страусѣ-птицѣ вопросъ, напримѣръ, вамъ предложатъ;
Или о томъ, отъ чего всѣ французы ученые люди!

Скушно вамъ было у нихъ; но за то какъ семья вся счастли́ва!
Вотъ, проводивъ васъ, они соберутся всѣ въ кучку, и долго,
Долго еще разсуждаютъ о томъ, какъ вы были довольны!
Кто позаботится въ нашемъ кругу обласкать, осчастливить?
Да кого осчастливимъ и мы, да и чѣмъ осчастливить!

5 Генв. 1847.

47.

Чиновники.

Мы всегда различимъ москвича съ петербургскимъ пріѣзжимъ!
Нашъ, какъ руской, смышленъ, а кафтанъ и душа нараспашку;
Тотъ во всемъ формалистъ, и въ мундирномъ застегнутомъ фракѣ!
Нашъ не прочь угощать, хоть и самъ угощеніе любитъ:
Дѣло взаимное; тотъ норовитъ свысока потранжирить!

Здѣшній—ужь вѣрно одѣтъ не по формѣ; никакъ не утерпитъ!
Въ форменномъ фракѣ; а пестрый жилетъ, да фуларъ разноцвѣтный!
Тотъ—онъ позволитъ себѣ заграничную развѣ булавку,
Да цѣпочку къ часамъ, потому что такъ носитъ директоръ!
И глядитъ свысока: «вотъ пріѣду-де къ вамъ ревизоромъ!»

Нашъ—какъ бы сблизиться съ нимъ; тотъ себѣ на умѣ. Нашъ московской
Хвастаетъ тройкой саврасыхъ; а тотъ—мамзелью Тальони!
Онъ записки читалъ д'Абрантесъ, Цвѣтобѣсіе видѣлъ;
Нашъ—лишь Дѣянья Петра прочиталъ томъ за томомъ когда-то:
Въ просвѣщеньѣ отсталъ далекò; поневолѣ уступитъ!

Нашъ на службѣ готовъ просидѣть хоть двѣ ночи за дѣломъ;
Но свободный часокъ: позабылъ о дѣлахъ и о службѣ!
Этотъ—чиновникомъ смотритъ всегда и вездѣ—какъ монета,
Въ Божьемъ ли храмѣ, въ театрѣ ль, на днѣ ль кошелька позабыта,
Вѣчно казенный свой штемпель хранитъ, означающій цѣну!

6 Генв. 1847.

48.

Марьина роща.

Въ Марьиной рощѣ, гдѣ нынче гулянье, тутъ было кладбище:
Тутъ чужеземцы лежатъ, и видны могильные камни.
Надписи стерты давно; а на нихъ православный пируетъ,
Не заботясь чей сонъ—онъ разгульною пѣснію будитъ,
Ганса ли Книпса тревожитъ онъ слухъ, Тавернье, иль Лефорта!

Нѣмцы же, слыша сквозь сонъ и пѣсни, и клики цыганокъ,
Лежа въ потемкахъ, ворчатъ и выводятъ свои заключенья!
Въ полночь и можно бы встать мертвецамъ, посмотрѣть, да развѣдать;
Но далёко за по́лночь гуляетъ народъ! — И выводятъ
Важные нѣмцы въ потемкахъ—Бо́гъ-знаетъ что, а priori!

1847.

49.

Разные вкусы.

Всякой имѣетъ свой вкусъ, и о вкусахъ намъ спорить не должно!
Я вотъ люблю стихотворство; а дѣльные люди не любятъ!
Вы что любите, другъ мой?—«Французскую прозу!»—А вы что?
«Вѣчно быть въ по́зѣ, и ждать уваженья Европы!»—Конечно
Можно немножко устать; но спорить о вкусахъ не должно!

Вамъ, извините, замѣтилъ я, нравятся больше поклоны;
Правда ли?—«Да-съ! Вообще я люблю въ человѣчествѣ гибкость!»
Вы, мой почтенный!—Славянство съ нѣмецкой приправой?—Не такъ ли?
—«Такъ!»—Ну, а вы?—«Я, какъ вы же, стихи, да свои, не чужіе!»
Вотъ, что умно, такъ умно: тутъ соперниковъ вамъ ужь не будетъ!

Спорить о вкусахъ не должно!—Кто любитъ кровъ тихій, домашній;
Кто публичную жизнь, шумъ и блескъ, дѣловую тревогу;
Кто деревню, кто чуждыхъ земель и искуства, и солнце!
Мы же всѣ любимъ родную Москву!—Что мы въ ней полюбили?
Все: и людей, и обычай, и стѣны, и камни, и гробы!

1847.

50.

Заключеніе.

Такъ появлялися мнѣ, и какъ въ зеркалѣ, въ памяти вѣрной
Образы нашей Москвы и свѣтло, и темно отражались!
Такъ возникали въ очахъ — старинные, новые люди,
Зданья, обычаи, бытъ, старина, новизна и преданья —
Быстро мелькали, и плавно неслись, и вдали исчезали!

Сердце забилось любовью къ Москвѣ, и полное чувствомъ,
Тихимъ потокомъ лiясь, изливалось свободно наружу!
Часто блистало въ струяхъ благодатное, ясное солнце;
Часто съ полночныхъ небесъ и на нихъ облака находили!
Вамъ — пѣснь моя, москвичи! и поклонъ мой вамъ, добрые люди!

Нѣтъ! не выходитъ отъ насъ ни повѣрьевъ, ни модъ чужеземныхъ!
Мы не бѣжимъ за чужимъ, а свое сохраняемъ народу!
Слава у насъ не громка и для почестей путь неширокой;
Злата родникъ не у насъ; но ведется въ насъ старый обычай:
«Рады, чѣмъ Богъ ни послалъ,» и радушное «милости просимъ!»

Сент. 1845.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

		Стр.
1.	Дума	7
2.	Семейные пиры	9
3.	День въ Кремлѣ	10
4.	Воспоминаніе молодости	11
5.	Гегелисты	13
6.	Правосудіе	—
7.	Взятки	15
8.	Пикники	16
9.	Кремль	17
10.	Домикъ въ предмѣстіи	18
11.	Ваганьково кладбище	19
12.	Московская жизнь	21
13.	Всадница	22
14.	Купцы на гуляньѣ	23
15.	Старый домъ	24
16.	Семисотлѣтняя Москва	25
17.	Сухарева башня	27
18.	Поклонная гора	28
16.	Крикуны	29
20.	Древнія стѣны	30
21.	Ополченіе 1812 года	31
22.	Балъ	32
23.	Площадь	34
24.	Купецкая свадьба	35
25.	Карты	36
26.	Прѣсненскіе пруды	38
27.	Дворцовый садъ	39
28.	Паркъ	40
29.	Слушатели поэта	42
30.	Языкъ поэзіи	43
31.	Монументы	44
32.	Маленькой вечеръ	—
33.	Купцы въ рощѣ	45

35. Память по Благословенномъ . . . . . №6
35. Москва-рѣка . . . . . №7
36. Грустная мысль . . . . . №8
37. Молва и сплетни . . . . . №9
38. Въ память К. И. М. Д. . . . . —
39. Славянофилка 51
40. Свѣтлое Воскресенье 52
41. Визиты 53
42. Новинское 54
43. Старинные Вельможи . . . . . —
44. Вавилонскіе нравы 56
45. Къ Европейцамъ . . . . . —
46. Угощеніе 57
47. Чиновники 58
48. Марьина роща 59
49. Разные вкусы 60
50. Заключеніе 61

БУКИНИСТЪ В. КЛОЧКОВЪ
П.Б. ЛИТЕЙНЫЙ ПР. 55.
LIBRAIRE V. KLOTSCHKOFF.
St PETERSBOURG LITEINAJA 55.

ПРОДАЕТСЯ

въ Книжныхъ Магазинахъ:

Ѳ. О. СВѢШНИКОВА, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ университетской типографіи.

И. В. БАЗУНОВА, тамъ же, въ домѣ Загряжскаго.

Н. М ЩЕПКИНА, и К°, на Лубянкѣ, въ домѣ Сысалина.

Цѣна 80 коп., съ перес. 1 р.

ТАМЪ ЖЕ ПРОДАЮТСЯ:

Сатиры Квинта Горація Флакка, съ латинскаго, переводъ въ стихахъ *М. Дмитріева.*

Цѣна 1 р. 75 коп., съ перес. 2 р.

Наука Поэзіи, Посланіе къ Пизонамъ Квинта Горація Флакка, переводъ въ стихахъ *М. Дмитріева.*

Цѣна 1 р. 25 коп., съ перес. 1 р. 50 коп.

LIBRARY OF CONGRESS
0001899446A